

The book cover features a stylized illustration. In the background, a woman with dark hair and glasses, wearing a blue and white striped shirt and brown pants, stands on a green hill. In the foreground, a young man with brown hair, wearing a yellow and white striped sweater, is embracing an elderly man with a long white beard and hair, wearing a blue shirt. The background is a warm orange color with a large white circle in the upper right corner. The title is written in a large, black, sans-serif font at the top, and the subtitle is in a large, dark red, sans-serif font inside a white box at the bottom. A small white circle with a black border containing the text '6+' is located in the bottom right corner.

Сергей
Тухоратов

Безлый
дедушка

6+

Сергей Тихорадов

Беглый дедушка

«Автор»

2021

Тихорадов С. Н.

Беглый дедушка / С. Н. Тихорадов — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96811-0

Эта смешная книга написана для тех, кто еще растет, несмотря на солидный возраст. Британские ученые установили, что человек неплохо растет и после пятидесяти. Разумеется, это взрослая книга. Точнее, это история про маленького мальчика, который попал в дурацкие приключения. И все потому, что иногда маленькому человеку бывает нужен дедушка. Дедушка лучше кота, с ним можно и поговорить, и попасть в переplet. Но во взрослой жизни, кроме "можно", есть "нужно". О дедушке нужно заботиться. Британские ученые установили, что заботящийся о дедушке человек взрослеет быстрее. Разумеется, в этой книжке мальчик взрослеет достаточно весело, в рамках жанра. Действие происходит в Сиреченске, родном городе Тихона из книжки "Тихон". Описанный в книге мир чуточку нереален, но всего лишь чуточку, как и наш.

ISBN 978-5-532-96811-0

© Тихорадов С. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Тихорадов

Беглый дедушка

Глава 1

Мама знает, что она похожа на маму из Простоквашино. По крайней мере, у нее тоже темные волосы. Таких мам называют «брюнетка», но я не люблю это слово из-за унижительной буквы «к». Будто «брюнет» – это солидно, а «брюнетка» – что-то маленькое, сделанное из брюнета путем обрубания лишнего. Мама ни из кого не сделана, она сама по себе красивая, и практически живет в брюках. Слава Богу, не в джинсах, как и я.

Таких мальчиков, как я, джинсы старят. А я и так выгляжу взрослым, даже когда молчу. Таким солидным, как я, и очки не нужны. Одно время я думал, что мне бы пошли очки без диоптрий, как у докторов в Индии. Там человек в очках считается жутко солидным, и доктора специально заказывают для своих носов очки с простыми стеклами. Ничего, помогает.

Но я не стал просить себе такие очки: не хотел быть похожим на Гарри Поттера. Моя любимая книжка не про него, я люблю перечитывать на досуге книгу не для всех: «Бегство от удивлений», Анфилова Глеба Борисовича.

Сначала в нашей жизни ничего удивительного не случилось. Всё было, как прежде. Зима закончилась и начиналась весна. Сначала слабая, а потом уже заметная невооруженным, как сказала мама, взглядом.

– Мама, – спросил я, – а почему «невооруженным»? Я сразу подумал про войну, прости. Но разве есть смысл смотреть на весну в снайперский прицел?

– Насмотрелся, – огорчилась мама, – фильмов насмотрелся всяких. Почему обязательно в прицел, может быть – в микроскоп?

Я задумался, чего бы ответить, но она тоже задумалась, и сказала первой:

– Впрочем, микроскоп ведь не оружие...

– Прицел тоже не оружие, – сказал я, – Он прицел, очки для снайпера.

– Значит, просто так говорят, и всё, – радостно согласилась мама, потому что не любила спорить, – Давай об этом какнибудь потом или никогда, хорошо?

То есть мы ней договорились – и всё. Это было как всегда, и куда важнее, чем выяснять какую-то иную, более важную, чем мы с мамой, правду. В том числе и про весну.

А весна продолжалась. Чем ниже к земле смотреть, тем заметнее она была. Видеть проносящихся высоко над головой птиц было еще холодно, но листья на уровне глаз были уже скорее зелеными, чем желтыми. И скоро станет настолько тепло, что можно будет лечь на траву и тогда станет заметна не только весна, но и приближающееся лето.

Лето тоже поначалу будет казаться слабым, совсем маленьким, приبلудившимся. Придётся его выхаживать, как деда или кота.

* * *

Так уж вышло, что деда своего мы подобрали.

– Приблудился, – сказала мама.

Она это по-доброму сказала, потому что вообще была добрая и хорошая. С такой мамой нельзя было не подобрать котёнка, воробышка или деда. Вот мы деда и подобрали.

Приблудившийся по весне дед занял несколько квадратных метров, и для котят и самых маленьких воробьев места в нашей «двушке» не осталось. Невелика она была, наша «двушка».

– Всё, – сказала мама, – у тебя теперь есть свой дед, поэтому никакого кота.

Но я никогда не пожалел, что мы с мамой выбрали именно деда, а не какого-нибудь мокрого зверёныша. Зверёныши милые, верные, иногда забавные – но они не люди. А дед – люди, одна штука. Помню, так на ценнике было на рынке: «Хурма в ассортименте, 1 шт». Это означало, что хурму давали за деньги поштучно. Именно давали, а не продавали: вы же не говорите продавцу «продайте мне»?

Итак, приютили мы, вместо кота, деда. С дедом сразу стало куда забавнее жить, потому что у него была одна особенность – он не помнил, кто он. Странно, он этой особенности не боялся! Мама моя доктор, она объяснила, что у деда такая умственная болезнь, недостаток такой – не бояться того, что себя не помнишь. Нормальный человек должен чего-то кое-как иногда бояться, чтобы лучше сохраниться для бестолковой старости – а вот дед этого полезного недостатка был лишён напрочь. Когда Бог раздавал людям недостатки, деду не досталось этого страха. Нельзя сказать, что ему вообще недостатков не досталось, но вот страха «не знать себя» на него не хватило точно.

Некоторые другие страхи у него сохранились. Горячую сковородку он не хватал голыми лапами, и в окно не выпадал стгоряча. Впрочем, этаж у нас не девятый, если бы и выпал разок... Коты же выпадают, и ничего.

Э, снова я деда с котом сравнил. Сейчас объяснюсь.

Поскольку из-за деда мне не досталось кота, я иногда всё-таки воображал, будто дед и есть кот, только очень большой и странный. Например, он почему-то не ловит мышей – которых у нас и так не было; не пьёт из блюдца на полу – но ему никто и не предлагал; и не ходит в лоток с песком – впрочем, этого бы и не хотелось. Да и лотка у нас тоже не было. Зачем нам кошачий лоток, если у нас дед? А насчёт поиграть, так с этим было всё нормально, поиграть дед любил. Возможно, он играл бы и с бантиком на верёвочке, только я ему не предлагал. Не проявлял, так сказать, инициативы.

Вот сижу я сейчас и думаю – как много инициативы я не проявлял, оказывается. Прояви я её, многое вышло бы иначе. А с другой стороны – разве вышло бы так по-приключенчески, как вышло само, когда я ничего не проявлял?

А дед проявлял многое. Но об этом потом. Сначала я расскажу, откуда наш дед взялся. А то прыгаю из прошлого в настоящее, и наоборот, под влиянием нахлынувших чувств. Ух ты, как красиво сказал, по-взрослому! Значит, откуда взялся наш дед... Раньше я говорил, что он приблудился, но это не совсем точно. В слове «приблудился» всё-таки есть лёгкий намек на жалость. Мол, кто-то потерялся, или загулялся, а потом прибился, притерся к более крепко стоящему на ногах, способному приютить непутёвого гуляку. Так кот бездомный может прибиться к человеку с жильём, например. В истории с дедом сначала я к нему приблудился ненадолго, а потом уже дед стал полноценным членом нашей с мамой неполной семьи.

Это мы-то с мамой крепко стоим на ногах, что ли, раз к нам деды прибиваются?

Кстати, отец у меня умер. Именно поэтому я про него не пишу, а не потому, что он лётчик-испытатель, погибший во время испытаний секретного самолёта. Так некоторые мамы говорят про отцов, которые сели в тюрьму посидеть, или просто ушли. Мой не ушёл, и не сел, и он не был лётчиком. Он заболел и умер совсем недавно, когда мне было восемь лет. То есть четыре года назад.

Кто-то из взрослых сказал, что я завис в восьмилетнем возрасте. Это не так. Я не завис, я развиваюсь, взрослея не по дням, а по часам.

А недавно мы встретились с дедом. Дело с дедом было так.

Вы же помните, как на нас накинута вирус, и мы отправились всей планетой на карантин? Сидя дома, я изображал участие в учебном процессе, «крайне пассивное участие», как говорила мама. Сама же она тем временем спасала людей. Измаявшись от собственной бесполезности, я пытался ей помогать и не скажу, что совсем неуместно. Иногда очень уместно выходило.

Глава 2

В тот день мы с Матрасом нагло сбежали из дому. Вернее, сбежали с уроков, потому что дистанционка! Сбежали только потому, что нельзя было сбежать. В этом моя мама была виновата. Зачем ей было рассказывать, как она с уроков сбежала? Что с того, что она это шутя рассказывала, мол, ах, какое детство забавное с ней приключилось, ну надо же. Я все равно подумал, что ей сейчас есть, что вспомнить, когда она уже выросла, а мне не будет, что вспомнить, когда я вырасту. И я решил позаботиться о своём будущем, тем более, что мама сама всегда говорила:

– Серёжа, ты уже сейчас должен начинать заботиться о своём будущем!

После этой фразы полагалось идти заниматься, особенно в карантин. У мамы забота о будущем частенько упиралась в моё сидение и корпение над уроками. Бывало, заглянет ко мне в комнату, улыбнётся довольно – ага, молодец, сидишь над тетрадкой, заботишься о будущем. Мне уже стало казаться, что между мной и моим будущим расположен письменный стол с уроками.

И вот, ушла она однажды на свою, очень тяжёлую в те дни, работу, а я подумал – негоже мне заботиться о будущем исключительно сидя, встал и набрал Матраса.

Я еще не упоминал Матраса?

Матрас был честных правил, не то, что некоторые. Вдобавок к его честности, у Матраса имелся живой отец, который мог запросто отпустить Матрасу вполне ощутимого леща, невзирая, как говорится, на лютый ювенальный закон. Так и говорил:

– Сынуля, щас огребёшь, полосатый, невзирая на грядущие последствия...

Матрас не против был огребать, потому что батька был, в общем-то, справедливый, а Матрас был без комплексов и с адекватной самооценкой – лещ не задевал его лично, только телесно, да и то вскользь, потому что Матрас уворачивался, хохоча, а мог и вообще убежать. Отец лютовал недолго, мирно так лютовал, по-семейному, как родной закон. Мебели не крушил, матом не изъяснялся, дружков не водил – просто ворчал и, в самых редких случаях, выписывал полосатому сынуле леща. Кстати, само это прозвище – Матрас, пристало к Матрасу именно из-за приговорки его отца «полосатый». У него многие были «полосатыми». Мы пытались выяснить, что за полоски в виду имеются – вдоль позвоночника, как у заключённых, или поперёк, как у моряков?

– По диагонали, – рявкнул на нас обоих отец Матраса, – брысь оба!

Такой полосатости ни у кого не нашлось в Википедии, и мы решили, что диагонально-полосатым может быть неровно свисающий с кровати матрас. Именно так вылёживался от вполне себе дворянской скуки Матрас – распластавшись поперек дивана и спустившись башкой вниз, до пола, за что отец его банил, когда заставлял, объявлял лодырем и гнал за стол корпеть и учиться. Матрас ссылался на классиков, но толком не мог объяснить отцу, что такое «барин», и чем он отличается от «дворянина». И приходилось ему брести к своей личной преграде между ним и будущим – к примерно такому же письменному столу, как у меня. Так что, Матраса вполне можно было застукать и за учёбой. Иногда.

Вот, вроде как описал Матраса, которого я набрал, заботясь о своем будущем.

– Корпишь, карантинная душа? – спросил я мудрёно, с выражением, совсем как дяденька, читающий классиков по телевизору.

– Корплю, – признался Матрас, – и читаю маленько.

Я сам много хороших книжек прочёл. Включая «Трёх мушкетеров», о которых не все из моих менее развитых ровесников даже слышали. И кое-что из толстого двенадцатитомного Жюль Верна успел прихватить, который жил на книжной полке в моей комнате. Я твёрдо знал,

что и его всего прочту, уже совсем скоро. Из-за хороших книг я честен, благороден и прям с друзьями.

– Как откорпишь, – прямо сказал я Матрасу, – ползи ко мне. Наври там, что не ко мне, а то не отпустят.

Матрас нагло хихикнул в телефон:

– На планете карантин, если кто не знает. Всякие перемещения строжайше запрещены. Сейчас выползу, Серый, жди.

Без меня у Матраса были бы огромные проблемы с инициативностью, а со мной не было.

Однако, надобность переместиться ко мне требовалось оправдать, и я задумался – чего бы такого повернуть нам с Матрасом, чтобы он не сказал, что зря полз?

Хотя и ползти-то ему было всего ничего.

Первое: взять фонарик.

Второе: спуститься со своего восьмого на первый.

Третье: открыть копией ключа вход в подвал.

Четвертое: пройти в подвал.

Пятое: включить свет слева на стенке.

Шестое: закрыть дверь за собой.

Седьмое: запереть дверь на ключ.

Восьмое: постоять побояться пару минут.

Девятое: выключить свет.

Десятое: сделать несколько шагов вниз по лестнице.

Уф-ф... Пожалуй, хватит так досконально. А то мне самому как-то не по себе, так и представил себя в подвале.

После той двери перед Матрасом была ещё одна дверь, за которой начинался уже сам подвал. Освещение в нём было прекрасное, на лампочках, но включать было нельзя, чтобы взрослые не заметили.

Дальше Матрасу приходилось идти с фонариком по подвалу многоэтажки сквозь пару подъездов в сторону моего дома, потом сгибаться до пола и проползать под стенкой. Раньше, видать, тут были какие-то трубы, а теперь было отверстие, как раз под размеры двенадцатилетнего путешественника. Это я так про Матраса, чтобы солиднее.

А за стеной сразу – раз! – и начинался мой дом, потому что наши с Матрасом дома были сросшимися. Фактически, это вообще был один дом, сверху имеющий форму русской буквы «Г», но по-почтовому дома были разные, мой номер восемь, а у Матраса шесть.

Обычно я встречал друга возле нашей двери в подвал, потому что у Матраса в доме замок на подобной двери был человеческий, внутренний, а на нашей двери болтался здоровый амбарный, так мама его называла. Болтался он с моей стороны, а не со стороны жалко мяукающего из подвала Матраса.

– Давай, открывай скорее! Что я тебе тут, кошка подвальный?

И так всегда. Я его, можно сказать, встречаю, как почетный караул арабского шейха у трапа самолёта, а он торопит, как физрук Иван Севастьянович: «Шевелись, пехота!»

– Сейчас, пехота, – обычно бурчал я, отпирая амбарный замок, – заползай давай. Ничего не нацеплял сегодня?

Пару раз Матрас выползал из подвала обвешанный паутиной, как антигерой из кино про супергероя. Тащить в приличную квартиру, то есть нашу, сей результат паучьего творчества не хотелось.

Глава 3

Сегодняшний, выползший из подвала, Матрас оказался беспутным, не особенно пыльным, вполне приличным матрасом. Заперев пустоту подвала на висячий амбарный замок, мы поднялись в нашу «двушку» на третьем этаже девятиэтажной буквы «Г».

Поднялись к нам, заперлись, Матрас сразу сказал:

– Мне до шести, а то устану пыхтеть за партой.

– Что, рыбный день? – спросил я, намекая на возможность получить от бати леща.

– Угу, – грустно выдохнул Матрас.

Сложившуюся в мире ситуацию он воспринимал правильно: как возможность ничего не делать. А не как делать то же, что в школе, только дома. Но его батя – широкие штаны, неуваждающая футболка – ситуацию не воспринимал. Для него ничего вообще не изменилось, и Матрасовой жажды свободы он не видел в упор. А бездарные тройки сына видел, и огорчился. Свобода была для него синонимом лени, как-то так.

Если честно, и для Матраса она была тем же, в отличие от меня.

– Свобода – это ответственность, – сказала однажды мама, и я запомнил.

Запомнил, но не понял, что это значит. Однако, взрослым пару раз намекнул, что для меня свобода – это ответственность. Намекнул, и жду, что скажут.

– Ах, какой правильный, какой самостоятельный мальчик! – сказали взрослые, и я покраснел.

Вот так и вышло, что свобода у Матраса была неправильная, но настоящая, а у меня правильная, но придуманная. Ох, намучаюсь я с этой свободой, как пить дать.

Ну да ладно. Выдохнул, значит, Матрас своё «угу», как всегда, и потянулся носом в родной телефон. Он в нём не то, чтобы жил, но всего лишь ел, пил и дышал. Таким Матрасам и нужен живой друг, вроде меня, не особенно замороченный на железьяках.

Я знал, что оказываю на Матраса исключительно положительное влияние.

– Оставь ты свою железяку пластмассовую, – сказал я, – У меня план. Приключений хочешь?

– Поначитался, – кивнул Матрас с такой уверенностью, будто это он написал все те книжки, которых я «поначитался».

Когда Матрас так говорил, интонация у него была прямо мамина.

Но телефон он всё же убрал в штанину, широкую, как труба, по которой строители мусор спускают в контейнер, когда ремонт в квартире делают. У нас, когда соседи ремонт делали, такой контейнер под окнами стоял, и чего в нём только не было! Я даже не знал, что у людей в квартирах бывает столько старой мебели на чёрный день. У нас-то с мамой этот, как его... минимализм, только самое необходимое. Зато в квартире просторно.

Матрас, хоть и ходит в широких, как у бати, штанах, всегда начинает с сомнений. Это его жизненное правило. Даже не правило – это его кредо, то есть то, на чём Матрас стоит, как личность. Подошва его натуры, так сказать. А сомневается он потому, что ему необходимо время на прогрев двигателя, как у нашей с мамой машины зимой. Матрас сомневается вслух, тянет слова, нудит – а сам в это время разогревается, готовится к тому, чтобы согласиться.

Потому что если не согласится – будет сам придумывать, чем занять себя в свободное от лени время. А этого он не умеет. За это у нас я отвечаю, не он.

– Я уже всё придумал, – сказал я сомневающемуся Матрасу, – Рванём на лесопосадки, а оттуда за кладбище, в манящую неизвестность.

По лицу Матраса стало видно, что после моих слов сомнения в нём только усугубились, то есть возросли и окрепли. Он пожевал губами, как старый верблюд из городского зоопарка, поглядел на меня задумчиво – плюнуть в этого посетителя, или нет? Мне даже показалось,

что он меня сперва сверху вниз оглядел, а потом обратно, словно прикидывал – если плюну, то что мне будет?

Я ему показал на всякий случай кулак – вот что будет, верблюду.

Матрасу понравилось, что эти кулаком я как-бы принял за него решение – не плевать. Он расслабленно выдохнул и заулыбался. Все встало на свои места в его голове.

– А почему за кладбище? – всё-таки поинтересовался Матрас на всякий случай, хоть и доверял мне невероятно, – И твоя неизвестность разве не может манить нас куда-нибудь поближе?

– Так страшнее будет возвращаться, – пояснил я, – ведь уже стемнеет.

А насчёт неизвестности я ему ничего не сказал – она же неизвестность, а не известность. Матрас повертел башкой, пытаясь проглотить то, что услышал. Что, ещё разжевать? Не проходит?

– А зачем нам, когда стемнеет, если в городе почти комендантский час? – спросил Матрас, – Мы что, по шее хотим?

По всему выходило, что вроде как именно этого мы и хотим. И даже если и не хотим, то все равно получим. У Матраса на такие дела нюх, проверено. Всегда, когда он пророчествовал насчёт «по шее», сбывалось. Это его так родитель натренировал своими лещами.

– Не получим мы по шее, – пообещал я Матрасу, – сегодня не за что, пока.

– Ага, – сказал Матрас-рыболов, – было бы за что, так вообще бы... Покушать-то возьмём чё? Ну, бутиков там, лимонада?

Пришлось заглянуть в холодильник. Там жила колбаска, я помнил. Ага, вот и она. И масло сливочное нашлось.

Пригласив на бутерброды колбаску, мы почувствовали, что готовы теперь не то, что до Америки юнгами, но и в Антарктиду полярниками-дикарями. Напилили хлеба, покрыли его тоненько маслом и сверху бухнули по очаровательному кружочку колбаски, цветом под мрамор.

– Дикари – это мы? – спросил Матрас, запихивая в пасть бутерброд.

Он всегда так – что-нибудь сотворит и сразу же задаёт вопрос, чтобы я занялся ответом, а не разбором полётов. И, в данном случае, уж надкусывает, так надкусывает, чтобы не отобрали.

Наверное, он так тоже о своём будущем печётся: будет потом рассказывать внукам о голодном карантинном детстве. А не спросить ли его об этом самом будущем?

– Вы не дикари, – сказал я, – вы мудрецы. Вы о будущем думаете. Будешь в будущем будущим потом потомкам вещать о боевом прошлом, о том, какое у тебя приключение было – сожрал бутерброд ради будущего.

Матрас прожевал бутик, остановил челюсти, и замер. Задумался, сразу видно. Но ненадолго, потому что он оптимист. Оптимисты надолго в размышлениях не зависают.

– Хорошо покушать, – сказал Матрас, – это пролог любого успешного приключения. С пустым желудком в приключения лучше и не соваться, тем более – на кладбище.

– Это как сказать, – заметил я, – возможно, на кладбище лучше с пустым.

Короче, собрались мы с Матрасом, понапихав всякого в рюкзачок, включая бутики и батарейки, и снова спустились в родной подвал – тайно нарушать карантин.

Сбегая в тот день, мы думали, что всего лишь сбегает из дому, как обычно. Потом уже «жизнь показала», как говорят взрослые, что не «всего лишь». Вдобавок ещё мы сбегали с уроков – потому что «дистанционка». И в ещё один, неграмотно выражаясь, добавок, мы нарушали в тот день закон – это чтобы было что вспомнить, шутя, когда вырастем. Надо же заботиться о будущем, в том числе и о будущих воспоминаниях, верно?

И то ведь, наше это сбегание никогда толком и не было таким сбеганием, как в книжках, когда тайком в порт, на парусник, и юнгой в Южную Америку за приключениями. На Америку

мы не решались. Так, сбежим на несколько часиков, и домой. Никаких ярких воспоминаний в будущем, совсем никаких.

Глава 4

Говорят, что всё тайное рано или поздно становится явным. Это означает, что сколько не ври, все равно поймают и пристыдят. Мама часто недовольна тем, что я питаюсь, как курица лапой, то есть «понахватая» всего подряд, вместо того, чтобы правильно сочетать продукты. Сочетать колбасу с хлебом – это неправильно, от этого живот пучит. И мама, когда с работы вернётся, заметит, что я «искромсал как варвар» хлеб и колбасу, и тут же поймёт, что были сделаны бутерброды. А раз были сделаны бутерброды, значит, приходил Матрас и мы отправились в путешествие.

Вот такая догадка меня, что называется, осенила, и мне стало неприятно.

– Матрас, – сказал я, – мне неприятно, что я маму обманываю. Я же обещал ей, что никуда не пойду.

– Прямо так и обещал, – спросил Матрас, – или просто сказал, что не пойдёшь?

Мы стояли возле двери в подвал, и я уже полез в карман за ключами. Надо было срочно договариваться с совестью.

– Скорее, просто сказал... – неуверенно протянул я.

Матрас усмехнулся, и хлопнул меня по плечу.

– А мне приятно, что у тебя есть совесть, – сказал он.

– И мне, – согласился я, – я ведь ответственный, в отличие от тебя.

Я стоял перед дверью и ощущал, что мне одновременно и неприятно, и приятно. Неприятно от того, что я «скорее, просто сказал», и приятно от того, что совесть всё-таки у меня есть. Мне одновременно захотелось и покраснеть, и обрадоваться, такая во мне шла борьба.

Я тогда поступил умно: подождал, пока приятное победило, выдохнул с облегчением и быстро сунул ключ в старый замок. Обратного пути не было.

Спустившись под наш с мамой дом, мы пошли направо, в сторону дома Матраса. Там по дороге было интересно: трубы всякие, кабели, железные ящички с гудящим внутри электричеством. Подвалы всегда интересны. Если захотеть, можно было классно поиграть в космический корабль. Мы и играли, когда были маленькими, классе в первом. А сейчас прошли мимо всего космического, подсвечивая фонарями, и подошли к торцу дома Матраса. Здесь заканчивалась наша территория и начинался внешний мир, полный тревожащихся за наше будущее взрослых. Врачи тревожились, полицейские тревожились, продавцы и учителя, водители и дворники, пожарные и библиотекари – все за нас тревожились больше нас.

И только космонавты никогда не тревожились. Они всегда улыбались из телевизора, рассказывали о том, как им работается на МКС, и поздравляли людей с праздниками. Жизнь у них на орбите была шикарной, что и говорить. Именно поэтому хотелось их слушаться. А тех, кто тревожился, не хотелось, потому что они очень хотели, чтобы мы знали, как они за нас боятся. А какая разница, за кого человек боится, за себя или за тебя? Все равно ведь боится. Рядом с тем, кто боится, не всегда хочется быть, мягко говоря.

Это мама меня научила словам «мягко говоря». Означает, что говоришь так, будто у тебя нет зубов и ты не можешь укусить. Хотя и надо бы иногда, мягко говоря.

Дошли мы, значит, до конца дома, притащили пару-тройку потайных знакомых кирпичиков, дотянулись до подвального окна и открыли его. Понятно, не в первый раз мы это делали. Поворачиваешь ручку «стеклопакета» – это так наши окна называются – тянешь на себя, перелазишь потом аккуратно через «стеклопакет», чтобы стекло не лопнуло – и ты в кустах. Мы даже прикрывали окно за собой, привязав к ручке верёвочку, чтобы никто не догадался, что два пацана через это окно выбрались из подвала.

Так и сейчас, мы выбрались из подвала, осмотрелись, как партизаны, чтобы никого не было, и бегом через задний двор к лесопосадкам.

Лесопосадки были «дурным местом», потому что там было много дураков когда-то, и это место они считали своим. Мама ещё говорила, что только дурак пойдёт гулять в лесопосадки, потому что там море битого стекла, прочий всякий мусор, бомжи и собачьи произведения. Что правда, то правда, всего этого там было навалом. Лучшее место, чтобы играть в исследователей дальних планет: с инопланетянами, опасностями и дурным запахом.

Говорили, что здесь скоро всё подчистят и сделают парк. Нам было не жалко, мы своё уже отыграли, когда были маленькими. Пусть строят свой парк.

Хорошо, что наш дом – наша большая буква «Г», если смотреть из космоса – стоял на самом краешке микрорайона. Между домом и лесопосадками других домов не было, прохожих не было, и машин не было – тут вообще никакой дороги не было. Нам это даже нравилось, потому что в космосе у космонавтов тоже дорог нет, они сквозь пустоту летят.

Скорым шагом добравшись до лесопосадок – которые станут парком, как гусеница бабочкой – мы оказались в кустах из мелких ёлок и сосен. Это я так говорю, чтобы сделать Матрасу приятное. Он однажды обозвал маленькую ёлку «кустом», а потом спорить со мною начал, мол, пока дерево маленькое – оно куст, а когда вырастет – тогда оно уже не куст, а дерево.

– Когда оно маленькое – оно маленькое дерево, а не куст, – не согласился я с Матрасом, – А куст – это вообще другое растение. Ты когда-нибудь видел, чтобы из куста смородины выросла берёза?

– Из куста смородины вырастет смородиновое дерево, – сказал упрямый Матрас.

– Тогда ты – куст человека, – подытожил я наш разговор, чтобы согласиться с Матрасом и сделать ему приятное.

– Типа, когда вырасту, стану деревом, – пробурчал Матрас.

С этим я тоже согласился, чтобы Матрасу стало совсем хорошо, ведь он мой лучший друг. Вот как тогда согласился, так до сих пор и соглашаюсь каждый раз, когда вижу кусты.

А сейчас мы в кусты забрались, осмотрелись в отсеках, как в кино про подводную лодку – всё ли у нас в порядке? Порядок – это когда всё на своих местах. В данном случае выходило наоборот, порядок – это когда никого нет на местах. Никаких взрослых: как обычных, одомашненных, так и не обычных – бомжей. Не было ни гуляющих, ни выпивающих, ни просто без толку шумящих людей, и это «вызывало странные чувства». С одной стороны – радовало своей безопасностью, с другой – огорчало отсутствием риска.

Кажется, Матрас это тоже заметил. У него такое лицо было, словно ему велик пообещали, но не дали. Вернее, дали, но не велосипед, а леща.

– Не огорчайся, – подбодрил я друга, – неприятности ещё будут. Нам через кладбище два раза топтать, сначала туда, потом обратно.

– Да, это радует, – согласился Матрас, и даже заулыбался.

И мы отважно пошагали сначала сквозь кустистые хвойные, потом обнаглели и «выперлись», как сказал бы Матрасов отец, на дорогу, которую народ протоптал сквозь лесопосадки, как тропу к нерукотворному памятнику Пушкину. По дороге шагать было легче. Я заметил, что несмотря на то, что преодолевать препятствия настоящему мужчине нравится, к манящей неизвестности иногда проще пройти прямой дорогой.

Эта дорога была, конечно, не очень прямой, но более прямой, чем сквозь обдирающие одежду кусты. Ругаться вечером с мамой по поводу испорченной курточки не считалось манящей неизвестностью, скорее наоборот – отталкивающей, и вполне определённой, неприятностью.

Вот так, совершенно неромантично, мы и прошагали наши скудные лесопосадки, на что у нас ушло примерно двадцать минут. На краю лесопосадок располагалось городское кладбище.

– Может, обойдём? – осторожно предложил Матрас, – Или, хотя бы, перекусим? Вечереет...

Матрас не прочёл так много хороших книжек, как я, он у нас больше по фильмам специалист. Поэтому спрашивает, как правило, он, а отвечаю почти всегда я.

Да, вокруг вечерело, как будто на экране убавляли яркость. Хотя нет, нет так. В реальности вечереет куда круче! Цвета на небе не тускнеют, они меняются: светло-голубой становится тёмно-голубым, а синий начинает переходить в почти чёрный. И переходит, переходит так плавно, будто небу неохота чернеть. И вот оно почернеет – а как же облака найдут дорогу домой?

Иногда облака, не нашедшие дороги домой, мрачнеют и становятся тучами, сталкиваются друг с другом, высекая молнии и пуская на землю дождь. Люди тогда суетятся, спешат под крышу – ах, как рано потемнело сегодня, да ещё и дождь, надо же.

И если бы только так вечерело. Вот сегодня ещё и ветер утих. Уж повечерело, так повечерело. Птицы тоже затихли, и даже...

– Бежим! – вдруг крикнул Матрас, и мы понеслись.

– Куда? – спросил я у спины бегущего впереди Матраса, но спина не ответила.

Впереди было кладбище, туда мы все и летели, сначала Матрас, потом мы с рюкзачком. Когда Матрас крикнул своё «Бежим!», оно прозвучало так испуганно и так честно, что я просто понёсся за ним, и всё. Так вопят, когда сверху летит кирпич, или сбоку летит старшеклассник, или снизу летит асфальт, вернее, это ты на него летишь, но тут уж всё равно.

Влетели мы на кладбище, и только там я услышал сзади:

– Эй, парни, а ну-ка стойте! Остановитесь!

– Полиция! – заорал Матрас, – Бежим!

– Стоим, – сказал я и остановился.

Мне было так нехорошо, «мягко говоря», что бежать я не мог. Встал, нагнулся, схватил руками колени, чтобы не убежали дальше без меня. Сердце тоже хотело дальше бежать, я слышал его. Помотал головой, не соглашаясь с сердцем, потом кое-как оглянулся. Возле входа на кладбище стоял полицейский автомобиль, от него шли в нашу сторону двое полицейских.

– Матрас, – сказал я, – ты фильмов насмотрелся. Мы что – бандиты? Зачем нам от них бегать?

– Щас получим, – заскулил Матрас, – каранти-ин!

Я распрямылся, потому что стоять, согнувшись, мне стало совсем плохо. Надо же, а я думал, что я круче, чем я.

До полицейских было метров сто, а может двести, или весь километр, то есть целых тысяча метров. Полицейские спокойно шли в нашу сторону.

«Ясное дело», как говорит Матрасов отец, у Матраса рефлекс. Рефлекс – это когда Матрас сначала что-то делает, а только потом думает. И сейчас он от полиции побежал, потому что рефлекс. Я сразу про его отца подумал. Пугало прямо какое-то, а не отец. Наверняка, Матрас испугался грядущего леща, потому и побежал.

По-моему, что-то у Матраса в башке не так, подумал я, но сказать не успел.

– Ты как хочешь, – сказал Матрас, – а леща мне сегодня совсем неохота. Бежим!

И мы вновь побежали.

– Эй! – крикнул я снова в спину Матраса, – Да не бойся ты так, ничего тебе батя не сделает.

– Дурак, – обернулся Матрас на бегу, – я не боюсь. У него сердце, понимаешь. Мы его бережём с мамой.

Выходило так, что мы убежали, чтобы не расстраивать Матрасова батю, потому что у него сердце.

Я бежал, и плакал, потому что у моего отца тоже, наверное, было сердце. Или сосуды, или лёгкие... мама никогда не рассказывала. И полиции не расскажешь, когда догонят, что

у отца друга сердце, вы, дяденьки, нас отпустите, или вообще не ловите. Так и захотелось остановиться, обернуться и крикнуть:

– Сердце! У нас сердце у отцов, не подходите! У Матрасова болит, а у моего было.

Кстати, а откуда я взял, что за нами вообще бегут? Я это подумал, но сказать не успел, потому что меня опередил Матрас.

– Разбегаемся, – сказал Матрас, тяжело дыша, и это было, наверное, правильно.

А может, и неправильно. Мы тогда, как в кино, шлёпнули друг друга ладонями по ладоням, это вроде как такое скоростное рукопожатие у крутых ребят, и Матрас понёсся налево, а я направо.

Глава 5

Бежал я лишь потому, что Матрас мне друг. Был бы сам – не бежал бы. А сейчас бежал, бежал, как маленький. Мимо крестов, оград, мимо памятников бежал. Бежал весело, как на уроке физкультуры, не замечая, так сказать, окрестностей. Странно, мне никогда не было здесь страшно, среди крестов. Это вообще не страшная история.

Это забавная история. Потому что, когда я остановился и обернулся, то никого там не было. Никаких полицейских, и никакого, разумеется, Матраса.

На всякий случай я свернул с дороги, присел за памятник и набрал Матраса, но его телефон был отключен. Уж не знаю, что там произошло, но мне почему-то показалось, что ничего особенного. Что друг благополучно сбежал, а вот я сижу теперь здесь, на краю вселенной, загнанный нелепой трусостью в угол, как крыса в подвале, и, похоже, скоро начну замерзать. Потому что апрель апрелем, но вечера пока что холодные. Я Матрасу не обещал, да и сам не догадывался, что ближе к закату похолодает.

Тогда я, нисколько не мучаясь совестью, встал и через пару минут ходьбы оказался за пределами этого, не самого весёлого, но и не страшного, места. Вообще, эти слова – «весёлый» и «страшный», они ведь не антонимы. Оглянулся ещё раз, достал из рюкзачка бутерброд и съел. Вот так, а Матрас пусть дома кушает. Небось, уже в подъезд залетел... нет, не залетел, ещё сидит в кустах с другой стороны кладбища, трясётся от страха. Мне трястись нечего, я лучше вперёд пошагаю, из упрямства, из «юношеского максимализма».

У вас такое есть – юношеский максимализм? Мама говорит, что у меня уже есть. И еще говорит, что я рано «возрос», и в моем развитии начинается этап крушения идеалов. Наверное, она права, потому что я и сам иногда удивляюсь – ради чего я творю непонятные вещи? И что будет, когда мой юношеский максимализм вырастет, и станет взрослым максимализмом?

– Мама, – спросил я однажды, – а у тебя уже взрослый максимализм?

– У меня вообще нет максимализма, – ответила мама, – Я реалист. Взрослый реалист со своим взрослым реализмом.

Порассуждав логически, я тогда понял, что у меня был раньше детский реализм, который вырос в юношеский максимализм, а потом станет ещё чем-нибудь. Но об этом я пока не знаю. Потом узнаю, когда совсем вырасту.

Съев бутерброд – два, если честно – я взял, да и пошёл снова направо, в обход. Как сказали бы взрослые – меня «чёрт дернул». Не знаю, вроде меня никто не дёргал, особенно тот, кого нет. Надо было назад идти, да поскорее, потому что наверняка никакой полиции там уже не было, а дорога гораздо короче. Но уже не просто вечерело, а стало почти темно, ну а топать в темноте через...

Ладно, пошёл я направо, подпрыгивая, чтобы не замерзнуть. Судьба неуклонно приближала меня к моему будущему деду. Ах, как красиво сказал! Судьба – это то, что стремится вернуть тебя на правильный путь. Так мама говорила. А потом ещё сказала, что неправильных путей нет, и что вообще нет никакой неправильности. Вот этих слов я вообще не понял, или понял неправильно, по-детски. Короче говоря, обойти деда было невозможно.

Я и не обошёл. Впереди, чуть-чуть слева обнаружилась избушка, почти на курьих ножках, старая развалюшка из мультика про добрую деревенскую бабушку, и её дедушку, и их собачонку. И кошку. А воздух уже настолько остыл, что холодно стало даже внутри меня. Бутерброды ещё оставались, но до моего дома, как я подсчитал, идти было ещё часа полтора.

И тогда чёрт, который меня дёргает, почти открыто сказал:

– Ты же хотел приключений? Вот тебе приключение! И это тебе не от своей же родной полиции бегать, которая на наши налоги живёт.

Про налоги это Матросов батя сказал, но мы с Матрасом не поняли, что это. Дух захватывает, как подумаешь, сколько же ещё надо узнать, чтобы стать взрослым.

Заброшенный дом – вот настоящее приключение! Я дёрнулся, как запертый в клетку осел в зоопарке, подкинул на спине рюкзачок – вроде ещё не пустой, и нагло отворил калитку.

Кстати, я только что соврал, потому что никакой калитки и не было. От неё остались только ржавые петли, висевшие на трухлявом столбике. Это напоминало киношные надписи, вроде «Не топтать! Место преступления!». Ни забора, ни малейшей преграды нету на самом деле – но все останавливаются перед надписью, и не топчут это место. На своем месте топчутся, как регулировщик на дороге, когда светофор поломался. А ещё я заметил, что когда проходишь по школьному коридору, то возле надписи «Директор школы» дыхание изменяется, и шаг становится длиннее, чтобы скорее это место пройти. Ну вот как, как так получается?

Отворил я ржавые петли и зашёл в поросший травой дворик. По траве давно никто не ходил, это, как говорил Матросов батя, ежу понятно. Мы тогда ещё спросили его: а откуда он знает, что ежу понятно, а что непонятно? А он так на нас посмотрел, мол, маленькие вы ещё, раз такие простые вещи спрашиваете, это ведь даже ежу понятно.

Прошёл я по густой траве прямо к дому. Думал сначала вокруг обойти, но ноги сами понесли меня к дверям. Мама говорила, что в жизни надо сперва делать главное, а потом остальное. Причём, может так оказаться, что остальное делать и не придётся. Не знаю, как я весь, а вот ноги мои это запомнили, и сами понесли меня внутрь главного, то есть дома.

Доставив меня к самой двери, ноги остановились. Дальше сам, сказали ноги. Это означало, что надо сперва подумать, а потом делать. Но я так пока не умею. Вдобавок у меня юношеский максимализм, я перед закрытой дверью толком не научился ещё останавливаться, я ведь ещё не взрослый. Толкнул я дверь – а она не толкается. Я на себя потянул, она и открылась. И тогда, как к книжке, на меня накинута запах.

Знаете, почему я люблю книжки больше, чем фильмы? О, по многим причинам люблю, и одна из них – в книжке есть запах, то есть, как напишут про него, он сразу чувствуется. Сидишь, читаешь, и весь прямо находишься в запахе. Помню, читал я как-то про джунгли, про пожар, как звери бежали от огня и дыма. И тут мама в комнату входит – она меня звала-звала, а я не откликнулся, вот она и нарушила моё личное пространство. Заходит, кушать зовёт. А я на неё смотрю и не понимаю, как она не чувствует запах гари, ведь вокруг невероятный пожар! Антилопы бегут, с бегемотами наперегонки, львы несутся, тигры – а вокруг дым, словно сосед дядя Вадим покурить вышел. Так и вижу, как дядя Вадим тоже несутся стремглав от пожара, обгоняя антилопу. Понарошку несётся, потому что пожара-то нет все-таки. Но был бы в доме пожарный датчик, сработал бы от этой книжки.

В этом старом доме пожар был, когда-то. Это чувствовалось на входе. А ещё там было когда-то наводнение, листопад потом был, маленькая война и старая свалка. От этой романтики у меня аж голова закружилась! Ещё бы несколько старых разбитых телевизоров, чтобы запах пластмассы тоже был, и я бы здесь жить остался.

Весь дрожа от следопытского счастья, я прошёл внутрь дома – и сразу увидел своего будущего деда. Вернее, я сначала не его увидел, а какого-то бездомного старика, лежавшего в куче тряпья на диване. Это потом так вышло, что он стал моим дедом, а сразу я до этого не догадался. Я даже не понял, спит старик, или не спит. Потому что мне стало невероятно страшно: куда страшнее, чем на кладбище ночью, если бы я бывал там ночью.

Представляете: заброшенный дом, человек лежит, а у вас из оружия только страх? Ни лазерного бластера, ни темпоральной гранаты, ничегошеньки подходящего к ситуации.

И они еще говорят, что я эмоционально завис в восьмилетнем возрасте! Хотел бы я сейчас на кое-кого посмотреть.

Всё-таки я сделал вперёд пару шагов, захрустел чем-то под ногами – и правильно сделал, что захрустел. Если бы не нашлось того, чем захрустеть, я бы мог просто развернуться и уйти...

очень быстро, со скоростью бега. Но та же самая судьба, что возвращает на правильный путь, иногда подбрасывает под ноги хрустящий старый пол, и звуком хруста словно говорит: «Вот она, твоя настоящая дорога». Кстати, в книге это тоже понятнее, чем в кино. Разве что, если голос за кадром прямо скажет.

Хрустнул я полом, а дед возьми, да и открой глаза.

– Привет, – говорит, – а чего ты тут делаешь?

Голос у него был такой же весёлый, как и потом всегда будет. И глаза такие же, как потом. Большие, весёлые, идеальные дедовские глаза. На некоторые глаза, бывает, наталкиваешься, как на табличку «Директор», а некоторые словно в себя затягивают, «привет» говорят. С такими глазами можно быть немым, все и так догадаются, что ты здороваешься.

– Ничего, – отвечаю, – не делаю. Домой возвращаюсь. А вы что делаете?

Дед и говорит:

– И я ничего не делаю... Хотя нет – умираю. Умираю я.

Это вдруг стало по нему видно, что умирает. Мне раньше никогда в голову не приходило, что умирать – это тоже что-то делать. А тут сразу понял, что дед занят тем, что умирает, заканчивается весь. Вот не могу объяснить, как я это понял. То ли вид у него был такой, что скоро закончится, то ли голос. Помню, что от его слов мне не стало страшно, а даже как-то наоборот – стало нагло. Мама потом гордо сказала, что это у меня гены, порода, мне бы доктором стать.

Дед на меня смотрит, и я вижу, как ему страшно и стыдно становится, что он меня напугал словами. Это он наверняка подумал, что напугал.

– У меня мама доктор, – сказал я спокойно деду и вытащил телефон.

Слова «у меня мама доктор» всё всем объясняют, их вполне достаточно. Набираю я маму и на деда смотрю, а он кивнул так головой, мол, угу, всё правильно, такого и ждал. И он снова глаза закрыл, чтобы они не закончились до того, как мама приедет на «скорой».

– Мама? – сказал я, – Ты дома? Мне твоя помощь нужна.

Мама всегда учила, что просить помощи – это признак взрослости. Я не понял, почему это так, но запомнил.

– Судя по твоему голосу, у тебя всё хорошо, – сказала мама.

Моя мама всегда слушает не слова, а интонацию. Если бы у вас была возможность выбирать профессию для мамы, я бы посоветовал профессию врача, честное слово. Врачу не нужно ничего объяснять, врач все равно не поверит. Он сам посмотрит, и если кому и поверит, так только градуснику.

– Нормально, – согласился я, – а вот дед умирает.

– Где умирает? – спросила мама, и я принялся объяснять, куда ехать.

Хорошо, когда от родителей нету тайн. Или когда они есть, но вам за них ничего не будет. Матрас никогда меня понять не мог, у него всё не так в доме.

– Погодите, дедушка, не умирайте, – сказал я, – мама уже едет.

– Ладно, – согласился дед слабым голосом, – раз мама едет, тогда...

Он хотел сказать «тогда я не буду пока умирать», но не сказал. Потому что когда у вас мама доктор, можно говорить короче, вы и так понимаете. Кроме того, в голосе деда появилась уверенность, несмотря на слабость. Это потому, что когда у вас мама доктор, вы редко бываете маменькиным сыночком.

Я развернулся и пошагал к двери, встречать маму. Странно, но пол сейчас не хрустел. Просто уже не надо было, он и не хрустел. А вы говорите – судьба...

«Скорая» подлетела быстро, но без мигалок. Тут дороги такие, что мигать некому, не ездит никто. Машина остановилась прямо напротив калитки. Мама с водителем и ещё одним мужчиной в медицинской одежде подошли к дому.

– Куда? – коротко спросила мама, и они все пошли в дом, даже до того, как я рукой показал.

А я не пошёл вслед за ними, понимая, что не очень-то сейчас нужен. В конце концов, у меня из медицинского образования всего пара умений: мыть руки и вовремя прятать колбасу в холодильник, чтобы не протухла. Ни тем, ни другим я старику помочь явно не мог. Тогда я стал ходить возле крыльца и охранять бригаду врачей. Чтобы никто не отвлёк.

Но меня самого отвлёк холод, о котором я позабыл, пока всё-таки волновался, хоть и не сильно. Тогда я вошёл в дом, старый, но тёплый, по сравнению с улицей. Прошёл в комнату, посмотрел на работу бригады. Я уже знал всех этих людей, хоть и не был знаком с ними. Просто как-то внутренне знал, и как будто всегда, всю жизнь. Наверное, тоже эти самые гены.

Дедуле что-то кололи, что-то записывали с его слов, даже сфоткали, а потом сказали:

– Эх, не вовремя ты, отец, захворал. Вокруг, сам знаешь, что творится.

Это водитель сказал, он как бы младший врач в бригаде. Сказал не про то, что вокруг старый дом, а про то, что за пределами его старости ещё хуже. Из слов младшего врача я понял, что ему не нравится то, что творится. А вот дед думал иначе. Он глянул на меня и улыбнулся:

– А что творится-то? Вон, молодёжь творится, вся такая шустрая... Да, молодёжь?

Это он меня спросил, подмигнув. И я понял, что он из тех, у кого нет ни телевизора, ни интернета, и он вполне может не знать о вирусе, который всех распугал с улиц, словно в стаю воробьёв кошкой бросили. У нас с мамой, кстати, тоже нет телевизора. Мама сказала, что это «дурацкий ящик», который неприлично иметь приличным людям, хотя непонятно – почему «ящик»? Он же скорее, как картина, или как зеркало, такой же тощий.

– А ты, дед, совсем, видать, от жизни отстал, – сказал водитель «скорой», не сдаваясь дедовой улыбке, – Карантин на дворе, эпидемия. Неужто ты не заметил, что все в наморд... в масках все? Это у вас называется «социальная ответственность», да, дед?

Водителю очень хотелось, чтобы все вокруг думали, как он – то есть, что вокруг всё плохо. Я заметил, что взрослым часто приятно бывает, когда другие тоже думают о том, что всё плохо. Наверное, это признак взрослости – думать о том, что всё плохо, и ругать тех, кто не согласен. Вот я и думаю – взростеть, или пока обойдусь?

Мама обернулась ко мне, и сказала:

– Спасибо, Серёжа, вовремя позвонил, – и я понял, что никакого нагоняя мне ни за что не будет.

Мама у меня другая. Никаких вопросов не будет, замечаний не будет, а будет суп вечером... или не будет, потому что уже поздно, а мы с мамой правильно питаемся.

Ну, пытаемся питаться...

– У меня бутерброды есть, – сказал я всем, – будете?

И показал на рюкзачок, мол, внутри бутерброды. Мужчина-врач сказал серьёзно:

– Не, спасибо, парень, не хочется. Куда дедулю, Мария Александровна?

А водитель взглянул на меня так странно, мол, всё вокруг и так плохо, а тут еще этот пацан со своими бутербродами.

Мама пролистая что-то в планшете, упакованном в толстый резиновый конверт, чтобы падать и не разбиваться. Пролистая, потом махнула рукой и сказал:

– Чего это я... Ясно же и так, что некуда, Иван Трофимович. Разве что к себе.

Она это не то, чтобы шутя сказала, а с каким-то интересным выражением, то ли беспомощности, то ли непонятной грусти. И тут чёрт, который меня дёргает, взял, да и сделал это в третий за сегодняшний день раз. Это потому, что не любит он грусти. Ему проще меня дёрнуть, чем самому грустить. Или у нас с мамой один чёрт на двоих.

– А давай, мама, возьмём дедушку к себе, – сказал я, и добавил, – Будет у нас свой дед.

Ну да, кота ж не купили...

Оба мужчины, врач и водитель, при этих словах расхохотались, даже пополам стали сгибаться, словно кланяться мне за то, что так насмешил. Я за них почти испугался уже, чтобы не сломались, но не успел, потому что мама сказала:

– Давай, Серёжа.

Водитель взглянул на неё с удивлением:

– Мария Александровна, вы серьёзно?

Он мою маму не знал, хоть и возил её на машине долгое время. Так даже у нас с Матрасом бывает, это я заметил. Живёшь так, живёшь, общаешься, а потом вдруг оказывается, что ты человека сам придумал, что на самом деле он совсем не такой. Этот водитель мою маму тоже придумал, наверное. Но, скорее всего, он себя придумал. «Вдумчивый какой», называется.

Надо специально вокруг города старых домов понаставить с дедами, и народ запустить, как на контрольную, чтобы посмотреть, кто на самом деле какой. Только не предупреждать никого, что это подстроено. Вот это был бы квест!

Водитель замер, ожидая ответа мамы.

– Вполне, – уверенно кивнула моя мама, и водитель ожил, зашевелился, как кобра, когда факир убирает свою дудочку.

Мама любит это слово – «вполне».. Корень здесь такой же, как в слове «полный», то есть «больше наполнять не надо». Как есть, так есть, и лучше не бывает, а если бывает – то когда-нибудь потом, а сейчас всё «вполне».

Я тоже подумал, что если этот дедуля у нас появится, то это будет вполне. А как мы его к нам везли, это уже не интересно. Главное я вам рассказал.

Ах, нет, ещё одну вещь вспомнил. Оказалось, что деда на самом деле нет. Потому что нет документов – нет деда.

– Почему нет? – возмутился водитель, – Ты дед, что – бомж? Ну-ка, давай вспоминай, как тебя зовут. Позор! Это у них называется «полная паспортизация и учет поголовья граждан». И куда геростраты смотрят... полиция, называется.

Когда деду уколы кололи, он имя своё не назвал, не до имени было. А когда уколы уже вроде подействовали, то имя срочно понадобилось, чтобы бумажки заполнить. Водителю обидно стало, что дед имени не говорит. У водителя такое лицо было, будто на его-то клетке отчётливо написано: и как он называется, и где его «ареал», и что его «не кормить!», и еще что-то важное. А на дедовой не написано, и вообще непонятно, есть ли у деда клетка, или он дикий, просто лапку поранил. И водителю неохота, чтобы дед оказался вольным, без клетки.

– Давай вспоминай, – тормошил водитель деда, – Должно быть имя. Даже у тебя. Подставишь нас под геростратов...

Дед посмотрел на маму, как на своего человека, будто помощи просил.

– Дедушка, как-то же вас звали, – сказала мама, и мне вдруг почудилось, будто она знает деда сто лет.

Дед чуть не заплакал.

– Я забыл, – сказал дед, – Но я вспомню, правда.

Он и вспомнил потом. Звали его Алексеем Павловичем, очень просто.

А после всего этого мы домой по такой дороге ехали, «руки бы оторвать дорожникам, куда мэр смотрит», что я водителю простил всё, что мне в нём не понравилось, включая слово «называется».

Глава 6

Поселился дед в моей комнате, а я временно переехал в большую. Дед очень быстро пошёл на поправку. Так говорят, когда у болеющего человека здоровье улучшается. На самом деле дед никуда не пошёл, а лежал в принесённой от соседей кровати.

Сосед, дядя Вадим, когда кровать давал, интересовался:

– Вы что, Мария Александровна, бомжа подобрали?

– Не бомжа, – спокойно ответила мама, – Бомжа бы не подобрала. Дальний родственник из Ярославля. Сердце подсказало, что надо брать.

Это вроде как я у неё сердце, получается. Это ведь я подсказал. А сосед постоял, пожевал губами.

– Это я понимаю, это у меня тоже было. В позапрошлом я «форда» своего взял, тоже сердце подсказало, что надо брать. А дальний родственник – это хорошо... Может, и останется чего, «однушка» какая-нибудь, когда помрёт Хоттабыч твой. Вон, у Петровича когда дед помер, так думали, что нет у него ничего, гол, как сокол. А потом как... хорошо, иду, иду. До свидания, Мария Александровна.

Сосед сам кровать притащил, с моей помощью. Притащил и ушёл, а я спросил у мамы:

– Мама, а дед у нас всегда будет, ну, пока не умрёт?

Мама рассмеялась от моих слов, головой замотала, поправила волосы, и говорит:

– Это хороший дед, он долго жить будет. Ты молодец, Серёжка.

Я это так понял, что если бы не я, дед не жил бы так долго, как сейчас будет жить. А мне всегда очень хотелось деда.

Наверное, именно поэтому дед Алексей выздоровел за три дня, сложно живой воды напился. В первый день мы помучились, потому что он кряхтел, пыхтел и ворочался на скрипучей соседской кровати. И одеяло сбрасывал на пол, как маленький. На второй день сел в кровати, съел суп, колбасу и лекарства. И снова лёг. А на третий оказался, как мама сказала, «живчиком».

А на четвёртый мы уже стали друзьями, и я признался ему, что мне очень не хватает набора «Юный химик». Я бы опыты делал химические. Смешивал бы в пробирках и колбочках разные вещества, и радовался бы, как маленький, что от этого изменяется цвет, идёт дым и раздаются щелчки. А потом, через недельку, успокоился бы и начал ставить серьёзные научные опыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.